

Илья Муромец и Соловей-разбойник (6)

Поехал старой в стольней Киев-град
Посмотреть князя со кнегиною,
Купцёй — людей торговых,
Всех христиан православных.
Стар был на коне наусед-седой,
Под старым был конь наубел-белой.
Выездял он на ростани на широкия,
Лежит на ростанях сер-горюч камень,
Есть тут на камешки подписано,
Подрезами в камешек зарезано:
«Есть тут от камешка три дорожецки:
По одной дорожке ехать — быть богатому,
По другой дороге ехать — быть женатому,
По третьей дороге ехать — живому не быть».
Тут стал старой, прираздумалса:
«Ехать мне в ту дорожку, где быть богатому, —
На старость богатство — души пагуба;
Ехать мне дорожецку, где быть женатому, —
На старость мне жениться — чужа корысть;
Лучше я поеду в ту дорожецку,
В котору живому не быть».
Заростала та дорожка триццеть лет,
Заселилса тут Соловей Рахматович:
Кто в эту дорожецку заезживал,
Тот обратно не выезживал.
Поехал старой в ту дорожецку,
Где живому не быть.
Одной рукой коня ведёт,
Другой рукой сыры дубы рвёт,
Верстовые столбики он повывастил,
Калиновы мостики повывомостил.
Приездяет ко заставе ко первой:
Накопаны тут погребы глубокие,
И наставлены копыя вострые.
У старого конь тут обрюшилса,

Соскакивал старóй со добра́ коня
И бьёт по круты́м бедрам:
«Ох, ты конь, мой конь, травяно́й мешок,
Зачем ты обрюшился?»
Вытаскивал старóй тут добра́ коня́,
Опéть поехал вперёд по дорожецке.
Подъезжает ко заставе ко вторóей.
Сидит тут Соловёй Рахматович,
Сидит Сóловей на двенадцети дубах,
На тринадцати мелких па́ддубков.
Засвистел Сóловей по-соловьиному,
Зашипел по-змеи́ному —
Тут у ста́рого конь на коленца пал,
Бьёт старóй по крутым бедрам:
«Ох, ты конь, ты конь, травяной мешок,
Не слышал ты граю вороньего?»
Тут и стал старóй свои тугóй лук,
Зарежат тут калену́ стрелу́,
(Прежде богатыри с стрелáми ездили.)
Стал стрелки наговаривать:
«Ты лети, стрелка, выше лесу, выше тёмного,
Ты лети, стрелка, ниже облака ходячего,
Не падай ты, стрела, ни на́ воду, ни на́ землю,
Полети ты, стрелка, Сóловью прямо в правый глаз,
Пра́вым глазом, стрелка, за́лети,
А левым глазом, стрелка, вылети!»
Пра́вым глазом стрелка за́летела,
Лéвым глазом стрелка вы́летела —
Тут и пал Сóловей на сырую землю.
Посадил тут он Сóловья на степ лошадиную,
Путал пúтами шелкóвыма,
Поехал опять он тут вперёд по дорожецке.
Были у Сóловья семь дочерей любимых
И семь зятевьей любимых.
Едет — подъезжает к дому ихнему Соловьиному.
Увидала тут дочи бóльшая,
Говорит: «Отечь-от едет — мужика везёт».
А увидала тут дочи меньшая,
Говорит: «Мужик-от едет — отчя везёт».

Тут и начали они зарезать туги́ луки, зятевя его.

Говорит Соловёй тут Рахматович:

«Не натегайте туги́ лукі,
Не зарежайте калены́ стрелы́,
Просите лучше у доброго молодца меня к себе,
Сулите злата-серебра».

Он не приворотил, поехал в стольный Киев-град посмотреть кнезя со кнегиною. Приезжает тут в стольне Киев-град. Тут идёт пирóванье-столова́нье на весь мир. Он тут тоже сел. Он, старой-от козак, велел засвистеть в полсвиста, а он засвистал во весь свист. Старо́й осердилса, привезал Соловья за хвост коню и пустил в чистое поле. *(Дальше не знаю. Чуть ли и не кончилась тем старинка.)* Так он и очистил дорожку прямоезжую.

(Зап. Астаховой А. М.: 15 июля 1929 г., д. Карпушевка Усть-Цилемского р-на — от Носова Самойлы Михайловича, 59 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.